

Заповедная

В. Н. ГРИЩЕНКО

Когда-то это называлось барской охотой. И хотя название это осталось в далеком прошлом, суть почти без изменений дожила до наших дней. Иными словами, в ряде заповедников сложилась такая ситуация, при которой отстрел диких животных охотниками стал обычным запрограммированным мероприятием.

На первый взгляд, явное противоречие с концепцией неприкосновенности заповедной территории. Но считать его только следствием просчета нынешних специалистов было бы несправедливо. На самом деле это не что иное, как своеобразное наследие, доставшееся нам от тех лихих для отечественной биологии времен, когда научный подход к проблемам заповедности вынужден был уступить место авантюризму нахрапу так называемых покорителей природы.

Как ни велика мудрость первых ленинских декретов, но, пожалуй, не меньшее впечатление вызывает та легкость, с которой заложенные в них мысли доводились до абсурда последующими реформами. Декрет 1921 года «Об охране памятников природы, садов и парков» подразумевал неприкосновенность заповедной территории в качестве неперемennого условия. Но уже к концу двадцатых годов тезис о неприкосновенности был объявлен практически ложным и политически вредным. Началось ударное приобщение заповедников к хозяйственной деятельности. Результатом такого приобщения явилось то, что в 1951 году была проведена реорганизация их сети: из 128 заповедников осталось лишь 40, а их площадь уменьшилась с 12,5 до 1,5 миллиона гектаров. Лишь к середине 60-х годов наука и здравый смысл несколько потеснили прежний волюнтаризм. Но как же тяжело далось восстановление утраченного за долгие годы! Только в минувшей пятилетке число и общая площадь заповедников вновь достигли уровня 1950 года.

Немалый вклад в дело искоренения заповедников внес бывший начальник Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР А. В. Малиновский. Он был категорически против самого термина «охрана природы». По его представлениям, природоохранные вопросы решаются в нашем государстве как бы автоматически, всей системой народного хозяйства, а следовательно, никаких специальных усилий для этого прилагать не нужно. Не нужны, стало быть, и заповедники, во всяком случае в виде неприкосновенных и охраняемых территорий. Хозяйствовать в заповедниках, а не просто наблюдать — вот как определял Малиновский суть своей «запо-

ведной» стратегии. Воплощением ее стало появление в 1957 году так называемых заповедно-охотничьих хозяйств, то есть заповедников, где численность некоторых видов животных должна была регулироваться не только естественными условиями их обитания и, при необходимости, штатными сотрудниками заповедника, но и ограниченным контингентом охотников.

Сначала в них были превращены Крымский и Азово-Сивашский заповедники, Беловежская Пуща, а позже прибавились Днепровско-Тетеревское и Залесское заповедные лесохозяйства на Украине, Телеханское в Белоруссии, а также «Реденский лес» в Молдавии.

Но вот что удивительно: с тех пор прошло тридцать лет, прежний подход к заповедникам осужден и отринут, а перечисленные заповедно-охотничьи хозяйства как ни в чем не бывало существуют и функционируют все по тем же прежним осужденным и отринутым принципам.

Нелепость их существования стала особенно очевидна, когда в 1981 году Госпланом и ГКНТ СССР было утверждено «Типовое положение о государственных заповедниках», в котором принцип неприкосновенности заповедной фауны был вновь возведен на должную высоту. Иными словами, по положению заповедник лишь тогда мог считаться таковым в полном смысле этого слова, когда в нем категорически запрещались и охота, и рыбная ловля, и какой бы то ни было отлов и уничтожение диких животных, а также проезд и проезд по территории посторонних лиц.

Все это отчетливо противоречило режиму заповедно-охотничьих хозяйств, и научная общественность не раз указывала заинтересованным организациям на такое противоречие, но, к сожалению, до сих пор все ее попытки вернуть заповедно-охотничьим хозяйствам их по-настоящему заповедный статус успеха не имели.

Между тем это тем более важно, если учесть, что задачи заповедно-охотничьих хозяйств на самом деле весьма далеки от задач истинно заповедных, направленных на сохранение уникальных природных комплексов. Как прежде всего охотничьи, они нацелены на разведение именно охотничьей фауны, что не может не нарушать равновесия между всеми компонентами природной среды. И годы подобной практики уже дают основание бить тревогу.

Азово-Сивашское заповедно-охотничье хозяйство является местом массового гнездования, отдыха на пролете и зимовки огромного числа птиц, в том

числе и таких, занесенных в Красную книгу УССР, как дрофа и журавль-красавка. Но его охотничья специфика и ведущая здесь хозяйственная деятельность мало-помалу привели здешнюю природу на грань кризиса. Акклиматизация завезенных в эти места асканийского оленя, лани Даниэла, европейского муфлона, фазана, кулана, зайца-русака, серой куропатки, поголовье которых уже значительно превысило допустимые пределы, привела не только к вытеснению исконных для данной территории видов животных, но и к деградации завезенных. Непомерно большие площади покосов (около пяти тысяч гектаров), с одной стороны, подрывают кормовую базу диких копытных, а с другой — делают невозможным гнездование тех же краснокижжых дрофы и журавля-красавки. И все это при том, что заповедник является, по существу, единственным местом массового произрастания тюльпана Шренка и только здесь сохранились последние крохотные участки целинной злаково-разнотравной пустынной степи Украины.

В Азово-Сивашском заповедно-охотничьем хозяйстве нет даже научного отдела, не ведется, как это принято в заповедниках, «Летопись природы». Зато вниманием высокого руководства заповедник не обижен. Впрочем, как мы уже знаем, в этих случаях действия сановников можно было бы квалифицировать не как браконьерство, а как «регуляцию численности животных ограниченным контингентом охотников».

Не менее печальна участь и одного из старейших европейских заповедников — Беловежской Пущи. Здесь в обширном лесном массиве, расположенном в верховьях рек Немана, Буга и Припяти, ценные виды животных охранялись еще в XIII—XIV веках. Охранялись, разумеется, с единственной целью: время от времени служить объектом царской охоты. Такой статус пуща имела вплоть до революции.

В 1940 году Беловежская Пуща была объявлена государственным заповедником. Но вскоре ей, по сути, был возвращен прежний статус — охотничьего резервата для высокопоставленных лиц. Сохраняет она его и поныне. А между тем Беловежская Пуща — крупнейший в Европе массив хвойно-широколиственных первичных лесов. Здесь сохранились еще гигантские клены, ясени, 700-летние дубы и 300-летние сосны. Что же касается фауны, то помимо всем известного зубра обитают здесь и такие занесенные в Красную книгу СССР виды, как черный аист, змеяед, сокол-сапсан и другие. Увы, охотничий профиль хозяйства ставит популяции этих

ОХОТА

животных в экстремальные условия, и прежде всего из-за чрезвычайно высокой искусственно поддерживаемой численности оленей, нарушающих естественное возобновление лесов и сильно подрывающих кормовую базу заповедника.

Не менее тревожное положение сложилось и в Крымском заповедно-охотничьем хозяйстве. Прежде, как и в Беловежской Пуще, на его территории находился заказник для царских охот. Но уже в 1917 году он был объявлен национальным заповедником. На его территории сохранились ценнейшие дубовые, буковые и сосновые леса, уникальные реликтовые рощи тиса и можжевельника. Нужно ли говорить, какое значение имеют они для засушливого Крыма? Ведь именно здесь берут начало многие крымские реки: Альма, Кача, Улу-Узень и другие. Впрочем, у нынешнего руководства заповедника не столько иной взгляд на его предназначение. Как и в других подобных хозяйствах, идет погоня за числен-

ностью копытных, а буковые леса для них — не лучшие пастбища. Вот почему под предлогом «оздоровления» около 550 гектаров буковых лесов здесь ежегодно охватываются так называемыми санитарными рубками. И это при общей их площади всего 6,7 тысячи гектаров.

Можно лишь догадываться, как скажутся подобные меры на судьбе 1165 видов растений, из которых 56 занесены в Красные книги УССР и СССР.

В вышедшей в 1987 году книге «Перспективная сеть заповедных объектов Украины» ученые предлагают создать Крымский биосферный заповедник. Не поздно ли? Да и возможно ли это на базе нынешнего заповедно-охотничьего хозяйства, разводящего оленей в ущерб бесценным горным лесам?

Кстати, о разведении. Во всех трех упомянутых заповедно-охотничьих хозяйствах диких копытных интенсивно подкармливают. Иначе и нельзя, ибо без этого животные обречены на голод. Но вот что опасно: подкормка делает животных крайне зависимыми от человека, отучает самостоятельно добывать пищу, превращает в почти ручных. Происходит своеобразное одомашнивание диких животных, а это ни в коей мере не согласуется с основной задачей любого заповедника — быть эталоном естественной экосистемы. Такие популяции копытных сильно ослаб-

лены; стоит убрать опеку, как это сразу же отрицательно скажется на их состоянии.

Подведем итог. Ошибки прежних лет — превращение уникальнейших памятников природы в некие фермы по разведению охотничьих видов животных — пора наконец исправлять. Тем более, что на территории Крымского и Азово-Сивашского заповедно-охотничьих хозяйств находятся водноболотные угодья, имеющие международное значение как места обитания водоплавающих птиц.

Существование заповедно-охотничьих хозяйств противоречит основным принципам заповедного дела, принятым положениям и классификациям.

Что делать конкретно? Старейшим нашим заповедникам — Крымскому, Азово-Сивашскому, Беловежской Пуще нужно вернуть их прежний истинный заповедный статус, то есть ликвидировать в них охотничью специфику. В частности, ученые уже давно предлагают реорганизовать Азово-Сивашское заповедно-охотничье хозяйство в Сивашский государственный заповедник. Судьбу других четырех хозяйств — Днепровско-Тетеревского, Залесского, Телеханского и «Реденского леса», — которые с самого начала создавались как заповедно-охотничьи, должны решить специалисты: то ли превращать их в заповедники, то ли в спецохотхозяйства.

ЭХО

«ТЕНЬ ЮЖНОГО ВАРИАНТА», № 1, 1988 г.

Редакция получила ответ Госплана СССР на статью, в которой доказывалась вредность, с точки зрения экологии, строительства гигантского водного канала от Дуная до Днепра. Заместитель начальника отдела развития материально-технической базы АПК И. М. Иванников сообщил:

«В связи с просьбой Совета Министров Украинской ССР и публикациями в прессе Госплан СССР поручил Государственной экспертной комиссии провести в 1988 году экспертизу основных решений проекта строительства Днепровско-Бугского гидроузла с участием широкого круга ученых и специалистов из Академии наук СССР, Академии наук Украинской ССР, научных и учебных институтов, а также Госкомприроды СССР, Минрыбхоза СССР и других заинтересованных министерств и ведомств. Одновременно будут рассмотрены водохозяйственные балансы в бассейне Днепра, согласованные с заинтересованными республиками.

В соответствии с поручением Совета Министров СССР после завершения доработки технико-экономического обоснования строительства канала Дунай — Днепр Государственная экспертная ко-

миссия проведет его экологическую экспертизу. В процессе экспертизы будут рассмотрены все публикации в печати по существу затронутых в них проблем и приняты соответствующие решения».

Проект для ведомства

Прочитал в журнале «Природа и человек» № 1 1988 года статью Владимира Борейко «Тень южного варианта». Ни для кого уже не секрет, что Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР думает вовсе не о народных интересах, а о том, как освоить побыстрее свои годовые 10,5 миллиарда рублей и получить премии, награды, славу ударников и т. п. Ради этого уже уничтожен Кара-Богаз-Гол, агонизирует Аральское море, вымирает все живое в тысячах засоленных или заболоченных гектарах.

И вот еще один проект.

Нам обещают дополнительную сельхозпродукцию за счет мелиорации, но оглянемся сперва на уже сделанное. За 20 лет (с 1966 по 1985 год) вступило в строй тринадцать с половиной миллионов гектаров мелиорированных земель, на что израсходовано 130 миллиардов рублей. А прибавки урожая нет. Так на что израсходовано 130 миллиардов народных денег?

Минводхоз УССР жалуется, что к 2000 году им будет в год не хватать 18 кубических километров воды. А из 200 кубических километров воды, используемых ежегодно в нашем сельском хозяйстве, до половины составляют неизменно производственные траты и прямые потери.

«Дунай — Днепр» — это еще один проект, нужный только Минводхозу СССР для капитальных вложений.

За последние двадцать лет министерство истратило несколько сот миллиардов рублей народных денег, а отдачи с этого никакой, один ущерб! Что, у нас в стране деньги лишние, раз мы их стремимся истратить то на осушение Кара-Богазы, то на комплекс «Дунай — Днепр»?

Может быть, хватит обсуждать вопрос — нужен или не нужен комплекс «Дунай — Днепр»? Прекрасно понимаем, что не нужен. Пора уже обсудить следующий, логически вытекающий вопрос: нужно или не нужно нам Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР? А если нечаянно окажется, что все-таки нужно (что сомнительно), что чем оно должно заниматься?

А. Каюмов,
старший инструктор
Горьковского областного совета ВООП